

Чжао-гэр поднял взгляд, и Фан Цзычэнь, склонившись, запечатлел на его лбу невесомый поцелуй. Затем он медленно провел большим пальцем от переносицы по спинке носа к самому кончику и, наконец, мягко коснулся губ супруга. Движения его были осторожными, полными трепета, словно он прикоснулся к величайшей драгоценности.

Чжао-гэр невольно улыбнулся, не в силах отвести глаз от мужа, хотя в его улыбке и читалась явная нервозность.

Он обхватил Фан Цзычэня за шею и ответил на поцелуй — глубоко, порывисто. Гэр приоткрыл рот, впуская Цзычэня, и, зажмурившись, робко коснулся его языка своим, горячим и влажным.

Дыхание становилось все тяжелее. В теплом свете лампы их тени сплелись воедино, застыв в отчаянном, почти удушающем объятии.

— М-м-м...

Чжао-гэр чувствовал, как всё тело охватывает жар. Лишь когда воздуха в легких почти не осталось, Фан Цзычэнь нехотя отстранился. Разомкнув губы, он уперся руками в матрас по обе стороны от головы супруга и замер всего в десяти сантиметрах над ним. Лицо его выражало такое неистовое, жгучее желание, что казалось, он готов был проглотить Чжао-гэра целиком.

Тот судорожно хватал ртом воздух, его губы припухли и покраснелись. Обычно юноша выглядел кротким и миловидным, но сейчас, когда в уголках его глаз и на изломе бровей проступила эта томительная нега, он казался невероятно соблазнительным.

Едва переведя дух, Фан Цзычэнь вдруг перекатился на бок и улегся рядом. Теперь они лежали лицом к лицу.

— Ладно... всё-таки не сейчас! — с трудом подавляя бушующее внутри пламя, хрипло проговорил он. — Давай еще немного подождем.

Во время поцелуя они прижимались друг к другу так плотно, что Чжао-гэр отчетливо чувствовал Цзычэня... Он недоуменно нахмурился и приподнял голову:

— Чего ждать?

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза, пока Фан Цзычэнь первым не отвел взгляд.

Он замялся, чувствуя себя крайне неловко.

— Я тут... это... по звездам прикинул — сегодня не тот день. Вот подтяну теорию, и тогда мы с тобой устроим битву в три сотни заходов!

В свой первый раз он хотел показать себя с лучшей стороны.

Последние дни выдались суматошными, и он попросту не успел заглянуть в ту книгу, что притащил ему Сунь Даху.

Цзычэню было совестно признаться, что он не знает ни единого приема. Сунь Даху и остальные в один голос твердили, что в таком важном деле сноровка и техника — превыше всего. Вот станет он мастером в этом вопросе, тогда и перейдет к практике!

Чжао-гэр на мгновение опешил, а потом не выдержал и расхохотался от возмущения, наградив мужа колючим взглядом:

— Ну и мучайся тогда до смерти, раз такой умный!

Измученный нереализованным желанием, Фан Цзычэнь сходил облиться ледяной водой. Когда он вернулся, Чжао-гэр уже переложил Гуай-цзя на середину кровати, а сам устроился с краю, отвернувшись к стенке.

Цзычэнь аккуратно отодвинул сына, подсел к мужу и легонько ткнул его в бок:

— Обиделся, что ли?

Чжао-гэр замер, притворяясь спящим.

— Мы, мужчины, не должны быть такими мелочными, — философски заметил Цзычэнь.

Ответа не последовало.

— Неужели и впрямь уснул?

На душе у супруга было скверно, и разговаривать совсем не хотелось. Цзычэнь же решил подлить масла в огонь:

— Так быстро вырубился? Ну ты и соня, прямо как поросенок!

Это стало последней каплей. Чжао-гэр, уже не в силах притворяться, резко развернулся и наградил его пинком.

Удар вышел слабым, не столько болезненным, сколько шутивным. Фан Цзычэнь так и просиял — он был уверен, что супруг души в нем не чаёт, раз даже в гневе боится причинить боль. Он перехватил щиколотку юноши и сказал:

— Да брось ты дуться. Тяжелее-то всего мне, а ты чего злишься?

Тут его язык снова сорвался на дерзость:

— О-о-о... неужто тебе так приспичило, что терпеть мочи нет?

Чжао-гэр лишился дара речи.

Он попытался вырваться, чтобы пнуть этого наглеца еще раз, но Цзычэнь крепко держал его ногу. Склонив голову, он запечатлел поцелуй прямо на косточке его щиколотки.

Волна колкой дрожи мгновенно прошла спину Чжао-гэра, заставив его буквально взорваться изнутри. Пальцы на ногах непроизвольно подогнулись, а лицо снова обдало жаром.

— Ты... что ты творишь? Там же... ноги грязные.

— И где тут грязь? Мы же только что мылись, — Цзычэнь в распахнутой нижней рубахе придвинулся почти вплотную.

Их дыхание переплелось в горячем воздухе. Понизив голос до шепота, он произнес:

— Ты мне нравишься. Очень. Настолько, что даже если ты пукнешь, я буду считать, что это благоухают цветы.

Чжао-гэр не выдержал и прыснул со смеху, упираясь руками в его крепкую, прохладную после обливания грудь:

— Ну и гадости ты говоришь! Фу, какой противный.

— И чего тут противного? — притворно возмутился Цзычэнь. — Это только тебе такие привилегии. Если бы кто другой посмел пукнуть в присутствии Третьего молодого господина Фана, я бы ему за это точно задницу надрал!

Они проболтали и прособачились до самой полуночи, а утром пришлось вставать ни свет ни

заря. По дороге на работу Фан Цзычэнь чувствовал себя так, словно его сознание все еще витает в облаках. Сил не было никаких, а глаза покраснели от недосыпа. Но стоило ему открыть привезенную Сунь Даху книгу с «тайными искусствами спальни», как он тут же ожил, словно в него вкололи ударную дозу адреналина.

На первой же странице его глаза полезли на лоб.

«Ого!»

Страница вторая.

«Ничего себе...»

Страница третья.

«Святые небеса!»

Страница четвертая.

«А это уже на грани...»

Страница пятая.

«Вот это задачка»

Страница шестая.

«Твою ж... так тоже можно?»

Рисованные человечки сплетались в самых невообразимых позах, да и места действия менялись с поразительной быстротой: не только на кровати, но и на столе, и даже у окна. Перед Фан Цзычэнем открылся целый новый мир, и горизонты его познания мгновенно расширились.

Раньше он мыслил слишком узко. Оказывается, в этих «любовных играх», помимо банального «кто сверху», существовало столько диковинных затей!

Век живи — век учись. Определенно, много читать и расширять кругозор — дело полезное.

Вечером, едва закончив дела, Цзычэнь во весь дух помчался домой. Чжао-гэр в это время

хлопотал на кухне у плиты. Гуай-цзая в доме не было. Супруг пояснил, что малыш убежал играть к Лю-лю.

Цзычэнь направился к выходу:

— Тогда я схожу за ним, пора ужинать.

Однако когда он пришел к Чжоу-гэру, Лю-лю преспокойно сидел в комнате и ел, а мальчика и след простыл.

Услышав вопрос, Чжоу-гэр отложил работу и удивленно поднял голову:

— Гуай-цзай сегодня к нам не заходил.

Фан Цзычэнь нахмурился:

— То есть его совсем не было у вас за весь день?

— Совсем, — подтвердил Чжоу-гэр. — Лю-лю сегодня весь день со мной в поле возился.

Тётушка Лю, стоявшая рядом, тоже вмешалась:

— Да, и к нам он сегодня не заглядывал. Что, неужто ребенок пропал?

— Пойду еще раз дома посмотрю, — сердце Цзычэня пропустило удар. Бросив недосказанную фразу, он сломя голову бросился обратно.

<http://bllate.org/book/15357/1436454>